

В.В.Бабашкин,
кандидат исторических наук,
Российский государственный аграрный
заочный университет

О некоторых закономерностях эволюции власти в посткрестьянском обществе

Теоретическая концепция в любой из сфер гуманитарного знания хороша лишь тогда, когда она основывается на тех или иных закономерностях общественного бытия, общественных отношений. При этом закономерности должны быть не чисто умозрительными, идущими, в свою очередь, от широко принятых, но

¹ Это подтверждает дуализм американской крылатой фразы, ранее используемой для доказательства, что национально-государственные интересы США подчинены интересам частных экономических групп: «Что хорошо для "Дженерал моторе", хорошо и для США». Но эта фраза может иметь и другое толкование государство (политическая власть) должно отражать интересы составляющих его социальных, экономических, этнических и других общественных групп

не слишком адекватных теоретических концепций и общесоциологических теорий, а реально существующими. В этом случае обобщения в одной из областей общественнознания, скажем в политологии как теории власти, будут неизбежно перекликаться с положениями и выводами других его областей, взаимно дополняясь и уточняясь.

Например, на пленарном заседании симпозиума Л.А.Гордон спросил О.В.Гаман-Голутвину, не слишком ли резко поставлен ею вопрос о смене вековой для России традиции рекрутирования во власть из служило-бюрократического сословия хождением во власть из экономического класса? Ответ прозвучал вполне резонно: то, что в объеме доклада может выглядеть голой теоретической схемой, в обширном монографическом исследовании представляется намного более сложным и опосредованным, а уж в жизни, из которой автор монографии аналитически вычленяет интересующую его проблему, все и того сложнее. В данном случае, на протяжении достаточно обширного периода обе модели появления людей в структурах власти сосуществуют и переплетаются. Однако в 90-е годы тенденция решительной смены господствующей модели наметилась совершенно отчетливо, что было исподволь подготовлено определенными глубинными процессами в экономической, социальной и прочих областях общественной жизни.

Такая постановка вопроса явно перекликается с тем, что писал десять лет назад М.Л.Левин, осмысливая логику исторического пути России в XX в. Исходя из огромной важности учета детерминирующего влияния социальной структуры общества на характер его экономической, политической и идейной организации, он подчеркивал, что в конце 50-х годов в России/СССР произошло фундаментальное историческое событие: сельское население впервые в истории страны перестало численно преобладать над городским. Официальная традиция прогрессистского мышления в советском общественноведении могла диктовать в связи с этим какие угодно выводы относительно построения передового индустриального общества в СССР. С точки же зрения М.Л.Левина, до глубинных перемен в стране оставалось примерно два поколения, порядка 40 лет, — срок, по всем канонам необходимый для укоренения новых стереотипов мышления, экономического и социального поведения¹, в том числе и по линии отношений "общество — власть".

Чтобы уточнить, каким же базовым параметрам предстояло претерпевать существенные изменения по этой линии, необходимо рассмотреть некоторые характерные черты общинного мироуклада, которые с неизбежностью вобрало в себя советское общество на первых этапах своего существования. Об особенностях организации сельской общины, ее своеобразном демократизме, коллективизме и

¹ *Lewin M. Russia/USSR in Historical Motion. An Essay in Interpretation // The Russian Review. 1991. Vol. 50. N 3.*

самодостаточности немало писалось до революции как теми, кто видел в ней тормоз общественного развития и призывал к ее решительному устранению, так и теми, кто рассматривал ее как прообраз гармонического общественного устройства будущей России. К.Маркс в ответе на письмо В.Засулич, как известно, тоже говорил об органической связи крестьянской общины с дальнейшим развитием российского общества. Рассматривая советский период отечественной истории под определенным углом зрения, а именно как эволюцию посткрестьянского общества, очевидно, можно утверждать, что это было верно¹.

Однако после революции под давлением идеологии такое понимание ситуации не стало центральным ни в советской, ни в западной историографии (с некоторыми важными исключениями²). На конференции "Крестьяне и власть", состоявшейся в апреле 1995 г. в Тамбове, об этом говорилось так: "Если в нашей литературе и заходит речь об исторических предпосылках демократии, гражданского общества и правового государства в России, то таковые усматриваются в земских соборах (в действительности не идущих ни в какое сравнение с парламентскими учреждениями Запада) и в сословно-представительной монархии второй половины¹ XVI — начала XVII в. (бывшей, безусловно, сословной, но в очень малой степени представительной). Подлинные же предпосылки демократичности, социальной справедливости, равенства, которые нес в себе общинный земский строй, до самого конца своего существования не утративший вековых идеалов соборности, обычно остаются вне внимания исследователей³".

В монографии "Русские крестьяне и Советская власть" М.Л.Левин предложил совершенно новое для западной историографии видение вопроса: если власть в 20-е годы всерьез рассчитывала проводить какую-то осознанную линию в деревне, вести за собой крестьянство, то ей необходимы, во-первых, ясное представление о том, что такое деревня и кто такие крестьяне, и, во-вторых, готовность руководствоваться в своей политике этим знанием, а не идеологическими формулами, согласно которым крестьянство все

¹ Уместно в связи с этим дать нечто вроде определения посткрестьянского общества, тем более что на симпозиуме довольно широко обращаются к термину "посткоммунистическое общество" в России. Я бы предложил обозначать как "посткрестьянское" традиционное (или аграрное, или крестьянское) общество, втянувшееся в процесс модернизации и поэтому постепенно перестающее быть крестьянским — значительно менее постепенно, чем проходили этот путь страны западноевропейской цивилизации, но значительно более постепенно, чем склонна трактовать официальная идеология этого общества.

² См., например: *Тарновский К.Н.* Социально-экономическая история России. Начало XX в. М., 1990; *Lewin M.* Russian Peasants and the Soviet Power. L., 1975. Впервые опубликовано на франц. яз. Париж, 1966.

³ *Данилова Л.В.* Крестьянство и государство в дореформенной России // Крестьяне и власть. М.; Тамбов, 1996. С. 35.

время объявлялось, "исторически говоря", не существующим. Позже в работах, посвященных эволюции советского общества от нэпа к сталинизму и далее, М.Л.Левин приходит к более глубокому и тонкому пониманию проблемы. Он утверждает, что к началу периода сталинизма противостояние крестьянства и советской власти достигло предельной остроты, и само это обострение, а затем разрешение конфликта оказало мощное преобразующее влияние на обе противоборствующие стороны¹.

Крестьяне и власть, эти вечные антагонисты и антиподы, в процессе модернизации фактически становятся двумя сторонами одной медали, и эволюция одной из них (в той или иной мере — в зависимости от этапа существования посткрестьянского общества) является отражением и функцией эволюции другой. Такой взгляд, безусловно, справедлив в отношении не только событий российской истории, но и всех тех больших социальных революций первых десятилетий XX в., которые Э.Вульф назвал "крестьянскими войнами XX столетия"². Широкое обобщение этого плана предлагается в последней книге известного американского исследователя Дж.Скотта, работы которого по теории и истории крестьянских обществ без всякой натяжки следует считать классическими. Название книги можно перевести так: "Посмотреть глазами государства: как провалились известные проекты усовершенствования общества". "Если бы мне предложили сформулировать причины всех этих провалов одним предложением, — пишет автор, — я бы сказал, что те, в чьих головах созревали подобные планы, считали себя значительно умнее и дальновиднее, чем были на самом деле, полагая при этом человеческий материал для своих проектов людьми слишком уж тупыми и не способными к самостоятельной деятельности"³.

По сути, перед нами некая глобальная общая закономерность, действие которой не вызывает сомнений и в пореформенный период отечественной истории (не говоря о советском). Уже тогда властями был сотворен миф о крестьянине с его устойчивым верноподданническим инстинктом и большой потребностью в заботливом руководстве свыше⁴. С тех пор верховная власть в нашей стране любые метания и кульбиты своего внутривластного курса неизменно обосновывала тем, что крестьянству (шире: народу) необходимо подобное руководство в силу его неспособности ясно осознавать свой интерес или (в зависимости от риторики) — свое место и роль в историческом процессе. Между тем крестьяне все время

¹ Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays of the Social History of Interwar Russia*. N.Y., 1985; Lewin M. *Russia/USSR/Russia...*

² Wolf E.R. *Peasant Wars in the 20th Century*. L., 1969.

³ Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Conditions Have Failed*. L., 1998. P. 343.

⁴ См.: Отечественная история. 1996. № 4. С. 130-134.

сознательно или бессознательно манипулировали властями, старательно прикидываясь теми, кем последние желали их видеть, пока это способствовало (или хотя бы не препятствовало) реализации их истинных — а не лозунговых и книжных — интересов.

В этой дихотомии "крестьяне — власть" так или иначе реализуются общие закономерности политического сознания и поведения крестьянства, о которых нам известно из специальной литературы по исторической социологии традиционных обществ. Сама противопоставленность крестьянства властным структурам — это уже закономерность, исходя из определения крестьянства¹. И об этом не стоило бы здесь говорить как об очевидном, если бы наша прежняя идеологическая традиция не твердила об устранении этой противоположности в связи с организацией крестьян в колхозы, а ныне господствующая идеология, твердящая о преступном характере коллективизации, не сеяла иллюзию, что данная противоположность была бы снята дальнейшим развитием страны по пути нэпа.

Можно внести некоторую коррекцию в наши представления о характере бурных событий российской революции первой трети XX в. с учетом закономерности, описанной Э.Вульфом². В условиях модернизации крестьяне тем крепче держатся за традиционные институты своей общинной организации, чем сильнее центральная власть и чем энергичнее ее давление на деревню по изъятию крестьянской продукции. И наоборот, если центр по каким-то причинам ослабляет прямой нажим на деревню, то естественные процессы эрозии общинных отношений заметно оживляются. Неудача столыпинской аграрной политики, отчетливо обнаружившийся еще до втягивания страны в мировую войну, подтверждает действие этой закономерности. Другим подтверждением можно считать прекращение жесткой линии большевиков в отношении деревни и переход к нэпу, поскольку угроза самоизоляции общины была явной, а это губительно для центральной власти.

Разложение общины в годы нэпа было прямо и непосредственно связано с характером советской власти и ее политикой в деревне. Набиравшие силу перемены в экономической, социально-политической, культурной жизни сельской общины можно рассматривать как основную предпосылку для изменения самой природы советской власти. В пореформенный период община разрушалась постепенно под влиянием новых тенденций экономического, политического, демографического порядка. Столыпинская аграрная политика все же имела определенные успехи в этом плане, хотя и далекие от ожидаемого результата. На события, связанные с усилением давления извне, со стороны города (мировая, гражданская война),

¹ См.: *Shanin T. Defining Peasants. Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990. P. 21-36.*

² *Wolf E.R. Peasants. Englewood Clifts (NJ), 1966. P. 16-17.*

община, как и положено в качестве ответной реакции стремилась ликвидировать следы традиционного разрушения жизнеуклада и занималась капитальным ремонтом своих проверенных бастионов противостояния власти. Зато в период нэпа, когда условия для этого были особенно благоприятными, процессы разрушения пошли форсированным темпом. К концу 20-х годов центральная власть имела, наконец, окончательно сложившиеся предпосылки для решения основной задачи — решительного слома тоталитарной крестьянской общины. Главным условием этого оказалось распространение тоталитаризма на общество в целом и его политическую систему.

Это вовсе не означает, что противостояние по линии "крестьяне — власть" ушло в прошлое. Наоборот, преемственность между доколхозным и колхозным этапами новейшей истории нашей страны, может быть, в наибольшей степени выражается как в сохранении самого противостояния, так и в воспроизводстве его специфических форм, описанных Дж.Скоттом как "оружие слабых". Конечно, не следует недооценивать масштабов и последствий широчайшего экономического, политического, идейного и культурного вторжения государства в деревню в 30-х годах. Деревня действительно была разобщена, и о прежнем общинном единстве действий после коллективизации говорить не приходится. Однако, во-первых, обыденные формы крестьянского сопротивления как раз индивидуальны, сила их — не в сплоченности, а в скрытности, привычности и массовом масштабе. Так, все время держать на взводе машину репрессий по сталинскому "закону о пяти колосках" ни у какого государства сил не хватит. А при малейшем послаблении мы не найдем такого колхоза, где бы не воровали.

Во-вторых, головокружительные темпы урбанизации сделали чисто крестьянские стратегии приспособления достоянием и горожан. Основа всех этих стратегий — последовательный тихий саботаж любых законов и распоряжений властей, сиюминутная выгода от которых не очевидна, продолжающийся до тех пор, пока не возникнет реальная угроза столкновения с репрессивным механизмом государства. Другой важный момент как для деревни, так и для города — высокая занятость людей в сфере разного рода неформальной и полуполигальной хозяйственной деятельности, которую Т.Шанин называет "эксплоярной экономикой", куда контролирующая функция государства не простирается. Связано это с тем, что этой сферы "как бы не существует", так как, согласно официальной идеологии, ей не положено играть сколь бы то ни было значительную роль.

В посткрестьянском обществе законы и распоряжения властей реализуются лишь постольку, поскольку его рядовые граждане видят в них смысл и пользу. В тех случаях, когда политическая линия власти совпадает с умонастроениями огромного большинства людей, происходят какие-то реальные сдвиги. Когда расхождения слишком велики, возникают драматические коллизии. В целом же

противостояние народа и власти в таком обществе достаточно плотное, и реальное движение осуществляется в направлении, как бы резюмирующего вектора этих двух сил. Поэтому фраза "Хотели как лучше, а получилось как всегда" совсем не случайно так запомнилась и полюбилась постсоветским россиянам.